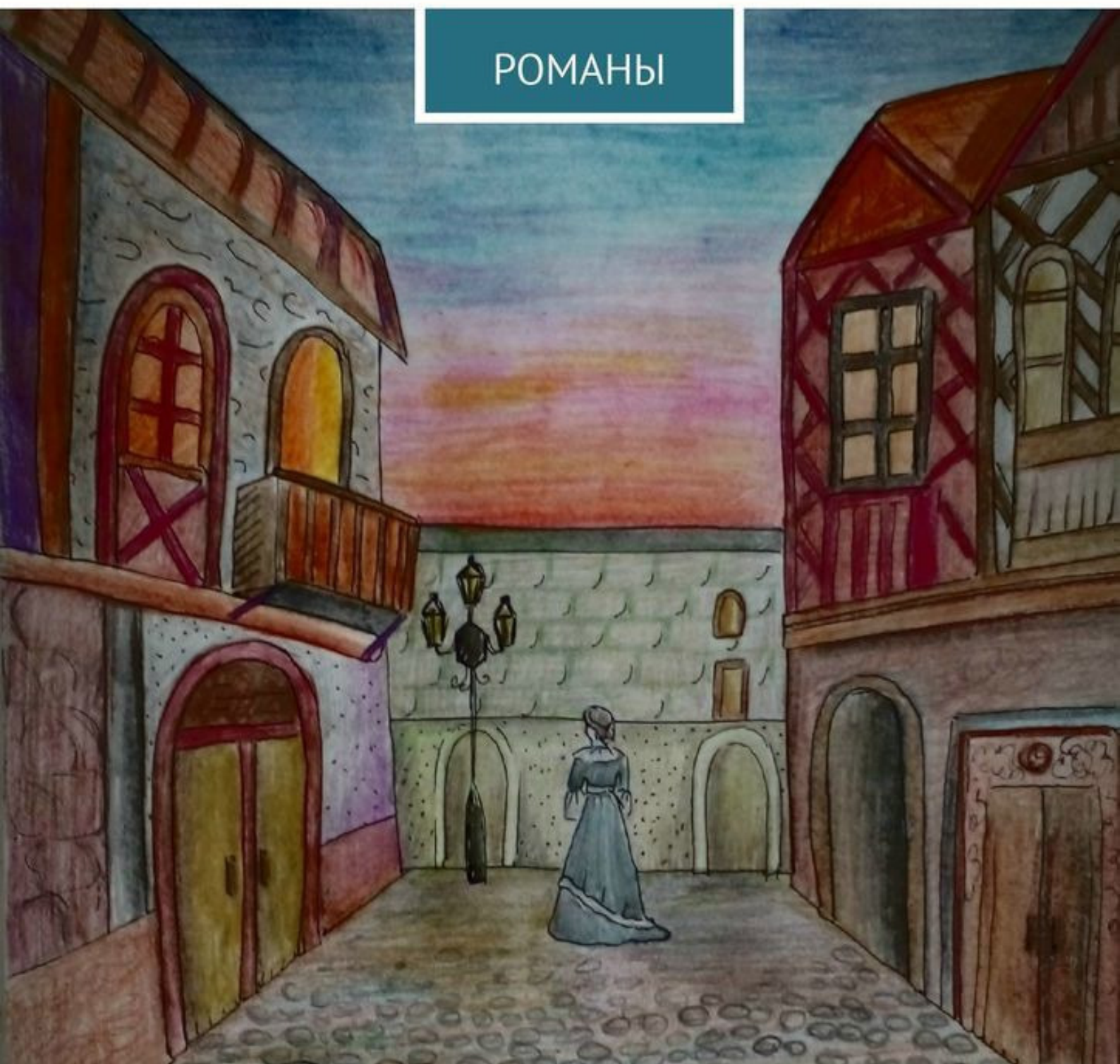

18+

МАРГАРИТА МАРТЫНОВА

Дочь герцогини. Человек без имени

РОМАНЫ

Маргарита Мартынова

**Дочь герцогини. Человек
без имени. Романы**

«Издательские решения»

Мартынова М.

Дочь герцогини. Человек без имени. Романы / М. Мартынова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624499-3

Франция XVIII века. В Париж возвращается герцогиня де Трельяр с восемнадцатилетней дочерью, но случайная встреча в пути грозит разрушить мирное течение жизни сразу нескольких человек... Вест-Индия, начало XIX века. Дочь контрабандиста пытается отомстить за свою семью. Но она еще не знает, что ее враг всегда на шаг впереди...

ISBN 978-5-00-624499-3

© Мартынова М.
© Издательские решения

Содержание

ДОЧЬ ГЕРЦОГИНИ	6
ПРОЛОГ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дочь герцогини. Человек без имени Романы

Маргарита Мартынова

Алсу Уразаева *Дизайнер обложки*

Марина Иванцова *Корректор*

Татьяна Сафронова *Корректор*

© Маргарита Мартынова, 2024

© Алсу Уразаева, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-4499-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОЧЬ ГЕРЦОГИНИ

ПРОЛОГ

Октябрь 1764г. Нормандия. Франция.

Сумерки ползли со стороны леса, рисуя уродливые тени и принося с собой запах отсыревшей земли. После дождя, который несколько часов барабанил по увядающей листве, деревья, словно очнувшись от крепкого сна, монотонно шуршали верхушками. Где-то вдалеке печально провыл одинокий волк, словно жалуясь на свою долю, и опять воцарилась тишина.

В лесничем домике, расположенном на опушке, горел очаг, весело потрескивая поленьями, и дети, самому младшему из которых не было и трех лет, шумно веселились в просторной комнате.

За столом у окна сидели две женщины, разговору которых не мешали ни дым, плохо входящий через нечищенный дымоход, ни детские забавы.

– Муж уже начал брать с собой нашего старшего сына, – гордо сказала хозяйка и встала, чтобы поправить догорающие угли. – Эммануэлю на днях исполнилось тринадцать, он уже почти взрослый... Он познает лес, ему нравится дело, которым занимается его отец, – она бросила взгляд на запотевшее стекло, за которым ничего не было видно. – Начинает темнеть...

– Кажется, вой? – поежилась ее собеседница. – Волки?

– О, мы привыкли к этому. Здесь часто слышны крики диких животных, но они не подходят к нашему дому. Боятся. А в лес мой муж пошел, конечно же, с ружьем. Да и сына он научил как вести себя при встрече с волками, – жена лесника вздохнула. – Но мне все равно не нравится, что они задерживаются... Жан знает, как я волнуюсь. Ранее он всегда возвращался домой до начала темноты.

Она нервно хрустнула запястьями, затем открыла входную дверь и всмотрелась в тени лесных сумерек.

Еще около получаса она пыталась вести разговор со своей гостьей, прислушиваясь к каждому шороху, доносящемуся снаружи, потом не выдержала и вышла на порог.

– Это плохо, – прошептала она, не обращая внимания на то, как непогода пытается сорвать с неё шаль. – Очень! Что-то случилось! В такой тьме им будет не найти дороги обратно, а они ушли без фонаря... – женщина сошла с деревянных ступенек и под ее ногами устало чавкнула земля.

– Я – мать... Я чувствую беду...

Порыв ветра ворвался в дом и с грохотом сорвал с гвоздя на стене жестяной таз. Со стороны леса пахнуло прелой листвой.

Летом 1770 года по дороге на Париж, поднимая за собой клубы пыли, мчался экипаж, запряженный четверкой лошадей. Жалобно скрипели рессоры. Полностью закрытая карета без гербов подпрыгивала на поворотах, иногда опасно кренилась, но все же стойко продолжала нести своих пассажиров. Несмотря на духоту, столь несвойственную для начала июня, в воздухе отчетливо улавливался запах сырости из-за многочисленных мелких ручьев, устремляющихся в Луару. На ровном, ярко синем небе одиноко красовалось облако, напоминающее по форме модную дамскую шляпку.

В экипаже, утопая во многочисленных подушках, ехали две женщины, бывшие, по всей видимости, матерью и дочерью. Последняя была свежа, как утренняя роза, на вид ей не давалось более восемнадцати лет: светло-русые, отливающие золотом кудри, слегка приподнятые на затылке, небрежно падали на плечи, удачно подчеркивая дорожное платье бордового цвета. Девушка устало дремала, и изящная тень от изогнутых ресниц дрожала на щеках.

Ее спутница – дама лет сорока в траурном наряде с густо припудренной прической – монотонно перебирала пальцами связку мелкого жемчуга, что-то шепча. Периодически она с нежностью смотрела на дочь, благородно приподнимала подбородок, улыбаясь своим мыслям, и снова погружалась в задумчивость.

От Парижа путешественников отделяло около четырех часов езды, которые они рассчитывали преодолеть без остановки, так как немногим ранее уже приобрели свежих лошадей, когда карета дала резкий крен и остановилась, сопровождаемая отборной бранью кучера.

– Боже правый! – воскликнула юная девушка и выбралась из экипажа с поразительной легкостью. – Сен-Поль, что произошло?

– Леди, вы не пострадали? Как герцогиня? – осведомился тот, осматривая рессору. – Чертова лисица! Выскочила из ниоткуда, перепугала лошадей... Я с трудом их удержал, но мы съехали с ровной дороги, и передняя ось сильно повреждена.

Девушка беспомощно повертела головой по сторонам, задержавшись взглядом на бесконечных зарослях высоких кустарников, и уточнила:

– То есть, мы не можем продолжать путь?

– Я почию, но придется подождать. Потому что руки тут только мои, а поблизости селений я не припоминаю.

На ступеньках кареты появилась пожилая дама.

– Шарлотт! – обеспокоенно воскликнула она.

– Я здесь, мама, – отозвалась та, поглаживая лошадей. – Кажется, нас настигла вынужденная остановка.

– Мы чудом не перевернулись, герцогиня, – сказал Сен-Поль. – А эту поломку я исправлю, не волнуйтесь.

– Сколько еще нам до Парижа?

– Около четырех часов езды. Но с учетом этой неприятной задержки очень хотелось бы успеть приехать в город засветло.

Дамы переглянулись и вздохнули словно по команде.

Не прошло и получаса, как Шарлотт, развлекавшая лошадей, заметно заскучала. Время теперь не приближало ее к окончанию долгой поездки, оно просто тянулось, ничего не меняя вокруг. Придорожный пейзаж был однообразен, сопение и ворчание Сен-Поля где-то между колес экипажа девушку начало утомлять.

– Мама! Я немного прогуляюсь...

– Где? – заметно испугалась та, выглядывая из кареты. – Но, дорогая...

– Мама, ты же знаешь меня. Все хорошо. Здесь мне никто не угрожает, разве что лисица выбежит из кустов снова, но я уже готова к этому. Я слышу запах воды, возможно, рядом есть река или хотя бы небольшой ручей. Я обещаю, что не буду далеко уходить и постараюсь все время держать дорогу в поле зрения. Я ужасно устала от всего путешествия, мне хочется пройтись...

Не дожидаясь ответа, она приподняла подол платья и медленно ступила в траву, вынудив сидящих там кузнечиков броситься врассыпную. Растительность колола ноги, двигаться было трудно и приходилось высоко держать юбки, но Шарлотт не замечала этого. Она наблюдала

за разлетающимися вокруг насекомыми, трогала растения, которые казались ей наиболее интересными, периодически оборачивалась, но, убедившись, что карета в доступности ее зрения, продолжала свою прогулку. Заметив на кустарнике, растущем поблизости, какие-то крупные плоды, девушка поспешила в том направлении и едва не упала, попав ногой в нору крота, что вызвало у неё смех. Экипаж уже не было видно, трава становилась гуще и выше. Судя по запаху, совсем неподалеку был водоем.

Оглядевшись вокруг, Шарлотт вдруг поняла, что нужно возвращаться, пока ее мать не подняла тревогу, но услышала совсем рядом отчетливый хруст веток и попятилась в испуге. Между деревьями мелькнула тень...

Париж. 1754г.

Весь день шел дождь, то прекращаясь, то снова начиная барабанить по крышам, косыми струями разгоняя немногочисленных прохожих на улочках Ситэ. Тесные домики, на чердаках которых гулял ветер, жались друг к дружке, словно надеясь встретить поддержку. Некоторые из этих жилищ были настолько узкими, что даже лестницы в них были почти вертикальными. Обрушивающаяся с неба вода смешивалась с густой черной пылью на каменной мостовой и мутными робкими струйками пыталась проложить себе дорогу к реке.

– Прекратите орать! Лучше помогите мне приготовить для вас ужин! – прозвучал энергичный женский голос в доме плотника, в арке почти у самого моста Менял.

– А что мы сегодня будем есть? – спросил один из троих мальчишек.

– Разберите корзинку и узнаете... – ответила мать и тут же нахмурилась: *– Я же просила вести себя тише! Кто из вас плачет?*

Дети переглянулись.

– Это не мы.

– Странно, – женщина медленно подошла к окну. *– Однако я слышу детские рыдания...*

Несколько мгновений она всматривалась в мрачные очертания улицы, затем направилась к двери, посильнее закутавшись в шаль.

Уже смеркалось, и со стороны Сены тянуло пронизывающей сыростью. Зябко поёжившись, жена плотника свернула в подворотню, чтобы обойти дом с другой стороны, но остановилась, заметив прижавшуюся к шершавой кирпичной стене совсем еще маленькую девочку с непокрытой головой. Обнимая тряпичную куклу, малышка громко плакала и сильно дрожала. Нетрудно было заметить, что она одета совсем не по погоде, пусть и в достаточно дорогую одежду.

– Милая моя... Ты потерялась? Где твоя мама? – жена плотника присела перед ней и, поймав перепуганный взгляд, прибавила: *– Не надо меня бояться, я тебя не обижусь. Но чья же ты... Я никогда тебя не видела здесь.*

И, словно в подтверждение ее слов, девочка, до этого на мгновение умолкнувшая, заплакала еще громче.

– Что же мне с тобой делать... Ты же совсем крошка. Как тебя зовут?

– Мама! – жалобно позвала та и размазала слезы кулаком.

– Эй, мать, ужин-то где? – словно из ниоткуда вынырнул мальчишка лет двенадцати. *– А это кто?*

– Не знаю. Кажется, она потерялась. Или ее подбросили, так как, судя по хорошей одежде, она не с нашего квартала, – задумчиво ответила женщина, ласково поправляя пышные локоны девочки.

– И какой нам прок от неё? Мы есть хотим!

– *Хватит, Генрих!* – нахмурилась мать, бросив на него строгий взгляд. – *Я не могу оставить такую крошку умирать! Ночи холодные, она совсем одна...*

– *Сколько ей?* – юноша равнодушно почесал подбородок.

– *Около двух лет, полагаю. Право, не знаю, что и делать, но мне так ее жаль...*

– *Мать, – Генрих склонил голову к плечу, рассматривая испуганного ребенка, – слушай, если она из богатых, то ее станут искать, а как найдут, то и нас не обидят наградой... Всяко лучше, чем доложиться ее искателям, что она тут под стенами нашего дома ночью померла.*

Повисло молчание, наполненное раздумьями.

– *Как тебя зовут?* – жена плотника снова присела перед ребенком, стараясь, чтобы ее голос звучал максимально мягко. – *Не надо меня бояться... Пойдем со мной и будем искать твоих родных.*

– *Мама!* – всхлинула девочка, пуская слюни пузырями.

– *О, ее имя нашлось!* – рассмеялся Генрих. – *Савон!*¹

– *Так и отвесила бы тебе оплеуху!* – рассердилась мать. – *Иди в дом, я сейчас!* – и она снова повернулась к девочке. – *Тебе, наверное, холодно и страшно? Но скоро будет совсем темно, ты ведь не хочешь тут оставаться одна?* – она протянула ей руку. – *Идем со мной...*

Внезапно перестав рыдать, девочка внимательно всмотрелась в ее лицо, потом всхлинула и доверительно протянула ей свою грязную куклу.

Увидев за деревьями большую тень, Шарлотт в страхе попятилась, зацепилась ногой за кочку и лишь чудом не упала. Готовый сорваться крик комом застыл в горле. В нескольких шагах от неё стоял молодой человек лет двадцати пяти с тонкими усами, облаченный в костюм для верховой езды. Шляпа его была сдвинута набок, темные волосы, туго собранные на затылке, подчеркивали высокий лоб.

Две пары глаз смотрели друг на друга, растерянные этой встречей. В знойном полуденном воздухе отчетливо слышалось гудение жука, который врезался в щеку незнакомца, и тот очнулся от оцепенения.

– *Мадемуазель!* – он умоляюще поднял вверх руки. – *Не бойтесь, заклинаю! Я вас не трону!*

Шарлотт, все эти мгновения задерживавшая дыхание, с шумом вздохнула:

– ... Вы меня испугали...

– *Простите! И мысли не было! Я услышал шорох... Признаться, я решил, что вы – моя сбежавшая лошадь, – развел руками молодой человек, и оба внезапно рассмеялись.*

– *Ах, вот оно как!* – девушка с улыбкой откинула за спину упрямые волосы. – *Удивительное сходство, правда?*

– *Я не имел цели ни напугать, ни обидеть вас, – вытянулся он, не сводя с неё взгляда, и под его усами мелькнула робкая улыбка. – Я спешил на пару минут, а моя кобыла чего-то испугалась и помчалась в заросли. И вот уже битый час я пытаюсь ее отыскать... Готов поверить, что она превратилась в очаровательную лесную нимфу с золотыми кудрями, но тогда мне придется добираться до Парижа пешком! – и представился, спохватившись: – Фабьен Ле Бре к вашим услугам.*

– Шарлотт, – коротко ответила та. – *Наша карета сломалась на дороге, кучер пытается починить переднюю ось, а мне стало скучно и я решила пройтись.*

– *Неужто вы тоже направляетесь в Париж, мадемуазель?*

¹ savon – мыло (франц.)

– Не совсем, – кокетливо засмеялась она. – Мы никуда не сдвинемся, пока не починят экипаж.

– Так я мог бы помочь в этом, – шевельнул темными бровями молодой человек и тут же пошутил: – И заодно добраться до города на подножках вашей кареты!

– Кажется, ваша лошадь очень сильно не хотела в Париж, месье Ле Бре?

– О, вы знаете, я вообще не уверен, что лошадям нравится Париж! А вы, мадемуазель, бывали ли там ранее?

Она кивнула:

– Правда, последние два года я жила в Лиможе, но сейчас обстоятельства требуют моего возвращения.

– О, Лимож! – воскликнул Фабьен. – Маленький неуютный город деревянных домов! Простите, если обидел.

– Нет, нисколько. Я с вами соглашусь, но знаете... После Парижа хотелось именно тихого неприметного города, где на тебя не обратят внимания.

– Не обратить внимание на такую девушку! – молодой человек прижал ладонь к груди. – Это возможно ли?

– Конечно! – смеясь ответила Шарлотт, лишь на мгновение опуская глаза. – Например, если принять за лошадь.

– Тогда это была бы самая стоящая ценность среди всего, что я имею!

Весь этот разговор происходил в то время, как они медленно шли в сторону дороги, преодолевая высокую траву. Внезапная встреча подняла обоим настроение, и молодые люди довольно дерзко шутили друг над другом. Фабьен даже не пытался делать вид, будто не любит своей новой знакомой, золотисто-русые волосы которой рассыпались по плечам, что – как и отсутствие шляпки – было настоящим вызовом обществу. Однако он ни на секунду не усомнился в благопристойности новой знакомой. Он рассматривал изящный профиль Шарлотт, наслаждался ее смехом и простотой, и даже успел позабыть и про царившую духоту, и про потерянную лошадь.

...Герцогиня де Трельяр нервно ходила по дороге взад-вперед, обмахиваясь веером и кусая губы. Она отчаянно вертела головой по сторонам в поисках дочери и опешила, увидев, что та приближается не одна. Остановившись в изумлении, женщина уставилась на молодых людей испуганным взглядом, но Шарлотт, едва приблизившись, одной фразой предупредила все ее вопросы и опасения.

– Мама, вам с Сен-Полем случайно не попадалась сбежавшая лошадь?

– Мадам, – вежливо поклонился молодой человек и представился: – Фабьен Ле Бре. Моя кобыла удрала, по видимости, испугавшись какого-то животного, я отправился на ее поиски и случайно встретил вашу дочь. Смею вас уверить, мадемуазель Шарлотт в полном порядке.

– Ах, – герцогиня растянула губы в улыбке и бросила на дочь робкий взгляд.

– Месье, – обратился тем временем Фабьен к кучеру, – давайте, я помогу...

И проворно забрался под карету, сняв кафтан.

Герцогиня жестом предложила Шарлотт отойти в сторону.

– Я успела испугаться, – заметила она с укором.

– Нет-нет, все хорошо. Я гуляла, а потом вдруг наткнулась на месье Ле Бре, – девушка слегка порозовела и тут же засмеялась: – Он искал лошадь и, кажется, принял меня за неё... Чуть не забыла: я назвала ему только свое имя и ничего более.

– Ах...

– Ты знаешь, мама, я не хочу пользоваться титулом и фамилией там, где можно обойтись без них... И я не ощущаю себя леди.

– Ой! – тут же громко воскликнула она. – Месье Фабьен, если ваша сбежавшая лошадь – гнедая, то, кажется, она тоже хочет помочь с починкой нашей кареты! Чем же ее приманить? У вас есть сахар?

И она пошла навстречу животному, которое с важным видом щипало траву на другой стороне дороги.

– Конечно, есть! – со смехом крикнул молодой человек, выбираясь из-под экипажа. – Он в седельной сумке, которая на ней! Полагаете, лошадь в состоянии его достать?

– Я у неё спрошу! Если сейчас она не пустится наутек, то она на вас не сердится!

– О, а я думал, право сердиться принадлежит мне! – парировал Фабьен с нарочитой серьезностью и быстро догнал девушку.

– Ах! Вам, значит, не по душе чинить нашу карету? – спросила она.

– Вы не поверите, мадемуазель, я умею все! Жизнь сына промышленника была куда интереснее, чем вам может показаться!

– Ну здравствуй, красotka, – Шарлотт, подойдя к жующей кобыле, ловко взяла ее под уздцы. – Тебе нельзя бегать, тебе надо доставить седока домой, правда?

– Что бы она вам ни сказала, я ей уже не доверяю! – оказавшийся рядом Фабьен наклонился, чтобы стреножить животное. – Пока я буду возиться с передней осью, она снова уйдет осматривать окрестности...

Шарлотт весело рассмеялась, слегка запрокинув голову.

Герцогиня де Трельяр, лениво прогуливалась по пыльной дороге и аккуратно наблюдала за молодыми людьми, но ничего не сказала, лишь продолжая обмахиваться веером. Выражение ее лица было скрыто тенью от громоздкой шляпки с черной лентой.

Менее чем через четверть часа починка кареты была закончена и можно было продолжать путь.

– Дамы, – обратился к обеим женщинам Фабьен, затягивая подпругу на своей лошади, – раз уж мы все направляемся в Париж, вы не будете против, если я стану вас сопровождать верхом?

– Только в том случае, если мы вас не задержим, – любезно отозвалась герцогиня де Трельяр. – Экипаж по скорости с всадником тягаться не в состоянии.

– Нет, я не спешу. Я живу там уже год и пока не проникся этим городом.

– А откуда же вы приехали, месье Фабьен? – поинтересовалась Шарлотт, сама не замечившая, что уже второй раз обратилась к нему по имени.

– Долгое время мы жили в Амьене. Год назад умер наш отец, и мы с братом прибыли в Париж принимать его дела.

– И чем же вы занимаетесь, если мой вопрос не звучит очень бестактным? – девушка любезно приняла поданную им руку и села в карету.

– Сейчас владею несколькими фабриками в трех городах Франции, – смущенно признался молодой человек, затем запрыгнул в седло и вдруг помрачнел: – Больше всего в это вникал мой брат, но теперь... – он замялся. – Франсуа серьезно болен. Он парализован и ослеп на один глаз.

– О, Боже! – искренне испугалась Шарлотт. – Какой кошмар! И что же говорят врачи? Ему нельзя помочь?

– Уже нельзя.

– Ах, простите, мне жаль, что я затронула эту неприятную тему!

– В этом нет вашей вины, мадемуазель, не извиняйтесь. Эта трагедия лишний раз напомнила мне о том, что, даже если ты молод, здоров, и не любитель участвовать в склоках и дуэлях, это ни от чего не может спасти. Но не будем о грустном. Откройте взамен тайну, надолго ли вы едете в Париж?

Девушка бросила быстрый взгляд на мать:

– Думаю, да. Мы уехали оттуда из-за меня, но сейчас я понимаю, что будет лучше оставить все, как есть.

Фразу «уехали из-за меня» Фабьен понял по-своему:

– Полагаю виновник вашего отъезда уже давно пожалел об этом... – заметил он, но Шарлотт предпочла не отвечать.

Почти пять часов пути молодые люди непрестанно разговаривали, перескакивая с темы на тему и предмета на предмет. Фабьен держал свою лошадь с той стороны кареты, где сидела Шарлотт, и иногда пускал кобылу в галоп, чтобы дать ей размяться. Но не более, чем на несколько минут, после которых упорно возвращался к экипажу, где сердце всадника тревожили голубые глаза новой знакомой.

Герцогиня де Трельяр за всю дорогу произнесла лишь несколько слов. Иногда она бросала осторожный взгляд на дочь и отворачивалась, поймав у нее искреннюю улыбку.

Фабьен рассказывал о детстве в небольшом городке Бургундии и первых попытках верховой езды, о своих впечатлениях от Парижа и модных театральных постановках, робко упоминал брата-близнеца, но тут же уходил от темы, при этом осыпая изящными комплиментами Шарлотт. Девушка же, в свою очередь, избегала любых разговоров о своей жизни в целом, предпочитая рассказывать о последних двух годах, проведенных в Лиможе – небольшом городке южно-западной Франции. Ни разу она не упомянула ни в каком ключе о своей принадлежности к французской знати, и, периодически ловя на себе взор черных глаз молодого промышленника, опускала длинные ресницы. Шляпку она так и не надела и встречный ветер еще сильнее трепал ее небрежно собранные волосы.

Солнце, которому не мешали полупрозрачные облака, будто следило за путниками, ничуть не смущаясь своих палящих лучей. По направлению на север по дороге клубилась пыль, поднимаемая копытами лошадей и колесами кареты, и растворялась в звонких голосах и смехе.

На въезде в Париж Фабьен слегка придержал поводья и смутился:

– Дамы, к сожалению, теперь я вынужден покинуть ваше прекрасное общество. Уверен, дальше вы доберетесь без каких бы то ни было происшествий... – он бросил взгляд на Шарлотт, но та нарочно не смотрела в его сторону. – Я хотел поблагодарить вас за общение в пути... Надеюсь, не сильно утомил вас разговорами.

– О, вовсе нет! – за обеих ответила герцогиня – С вами эта поездка оказалась гораздо приятнее. Скажите, месье Ле Бре... А если бы я осмелилась пригласить вас как-нибудь на ужин, где вас можно найти?

К лицу молодого человека прилила кровь. Он на секунду перестал дышать, снова посмотрел на Шарлотт, заметив, что та вздрогнула, но быстро взял себя в руки:

– Я бы счел это за честь, мадам, – вежливо поклонился он. – Разыскать меня не составит труда для любого посыльного или уличного мальчишки. Моя контора находится на границе с Марэ.

– Была рада познакомиться с вами, – сказала Шарлотт, не поднимая глаз, и протянула ему руку, затянутую в бархатную светлую перчатку.

Прощавшись, Фабьен отъехал немного, обернулся, провожая свернувший на другую улицу экипаж, и набрал полную грудь воздуха, словно человек, долгое время находившийся под водой. Взглянув на свою ладонь, которая еще хранила ощущение прикосновения к разбредившей его сердце девушке, он надвинул шляпу на лоб и спешил.

После расставания с новым знакомым, Шарлотт усилием воли сдержала в себе желание выглянуть в окно кареты и сделала вид, будто ничего не произошло, но наткнулась на взгляд матери и сильно смутилась. На уставшем лице герцогини де Трельяр играла ласковая теплая улыбка.

– Я бы могла прокомментировать тот факт, что он не из дворянской семьи, – сказала она, – но ты, я думаю, понимаешь, почему не стану этого делать... Сен-Поль! – крикнула она в окошко кучера. – Езжай домой!

– Ах, нет! – встрепенулась Шарлотт, видимо, что-то вспомнив. – Высади меня у дома маркизы де Буассель!

– Но, дорогая, маркиза в глубоком трауре и по правилам ей не положено еще принимать гостей, кроме самых близких.

– Я буду осторожной, мама, и постараюсь, чтобы меня никто не увидел. К тому же, надеюсь, меня и не узнают. Ты понимаешь, что это важно, ведь ради этого я и возвращаюсь в Париж!

Герцогиня пожала плечами, решив не возражать, и лишь заметила:

– Наверное, ты права. Мне надо научиться видеть в тебе взрослую девушку, а не ребенка, не умеющего что-то решать. Тебя подождать?

– Нет. Ты устала, я вижу это. Езжай домой. От маркизы я доберусь сама.

...Напротив огромного дома, утопающего в зелени цветущих каштанов, Шарлотт без посторонней помощи выпрыгнула из кареты. Задержалась взглядом на траурном венке, размещенном на фасаде, печально вздохнула и направилась по узкой тропинке к задней двери, которой обычно пользовалась прислуга. Не задерживаясь ни на мгновение, она вошла внутрь, и чуть не столкнулась лбом с горничной, от испуга выронившей стопку белья, которую держала в руках.

– Все хорошо, – ободряюще кивнула Шарлотт. – Не надо кричать. Ты – новая служанка и меня не знаешь. Где маркиза? У себя?

– В ка... в кабинете... – пролепетала служанка и явно хотела добавить что-то еще, но гостья уже уверенно пошла дальше по коридору, постукивая каблуками туфель.

Особняк был погружен в тишину и печаль. На лестничных перилах висели черные ленты, запах индийских благовоний был перемешан с терпким ароматом женских духов, стены с резным орнаментом возвращали звук шагов пугающим эхом. Никого не встретив по пути, Шарлотт, видимо, отлично зная, куда надо идти, подошла к тяжелой двери из красного дуба и, немного поколебавшись, робко повернула ручку.

Шторы кабинета были плотно задернуты. Пахло выдубленной кожей и кофе. На полу в тяжелом горшке стояло темно-зеленое растение высотой в человеческий рост. На письменном столе царил идеальный порядок, а на диване у противоположной стены, где висело огромное панно, сидела женщина в черном платье. На вид ей было около двадцати пяти лет. Прямой тонкий нос с горбинкой и маленькие бледно-розовые губы дополнялись слоем пудры, которым явно пытались скрыть нездоровый заплаканный вид. Ее тонкая рука подпирала подбородок, взгляд был направлен в пространство. Услышав, что кто-то вошел, она лишь слегка повела худыми плечами и негромко заметила:

– Я ничего не хочу, Мари. Спасибо.

– Маркиза... – осторожно позвала ее Шарлотт.

При звуках ее голоса хозяйка дома резко встала, всем своим видом выказывая удивление. Она хотела что-то сказать, но слова не приходили на ум, и молодая женщина лишь шевелила губами.

– Да, это действительно я, – печально улыбнулась гостья. – К несчастью, я поздно узнала о случившемся, и не смогла быть с вами в день похорон. Ах, если бы я умела помочь!

Маркиза улыбнулась, по-прежнему пребывая в замешательстве:

– Я не ожидала, что ты захочешь вернуться, – прошептала она.

– Я должна была! – твердо сказала Шарлотт. – Вы ведь понимаете, что я хочу сказать, маркиза. Я слишком благодарна вам за все, что вы для меня сделали, чтобы вот так... бросить... в таком ужасном горе. Я ведь знаю, ваш супруг не имел вредных привычек и был еще молод! Как подобное могло произойти?! Почему?

Молодая вдова медленно отошла к окну, словно намереваясь отодвинуть штору, затем вдруг обернулась:

– Через неделю Филиппу было бы тридцать лет... – печально произнесла она.

Шарлотт хотела подойти к ней, но, передумав, вдруг села на маленький стульчик для ног, стоявший возле пуствующего кожаного кресла.

– Маркиза, если вы хотите поговорить, если вам нужен слушатель – вы знаете, я всегда с вами! Если бы я могла что-то сделать в этой ужасной ситуации... Газеты не написали, что случилось с его сиятельством, поэтому я в какой-то момент даже начала сердиться на вас за то, что вы не изыскивали возможность написать мне о положении вещей.

– Ах! У тебя сейчас совсем другая жизнь! Я бы ни за что... – маркиза не договорила и отвернулась, пряча эмоции.

– Нет же! – мотнула головой девушка и встала. – Я всегда с вами. Абсолютно всему, что у меня есть сейчас, я обязана именно вам, и я не могу просто сделать вид, что мне все равно, – твердо сказала она и печально прибавила: – Как бы я хотела облегчить вашу боль! Я знаю, что вы любили супруга...

Маркиза внезапно начала ходить по кабинету, шелестя платьем и заламывая пальцы.

– У Филиппа случился сердечный приступ, – пробормотала она и вдруг остановилась. – Боже! Нет, я не могу врать и тебе! Я должна хоть с кем-то обсудить этот ужас, иначе сойду с ума!

– Маркиза, вы начинаете меня пугать, – прошептала Шарлотт, чувствуя, как сжимается все внутри от тяжелого предчувствия. В гнетущей тишине просторного кабинета особенно громко тикали настенные часы с фамильным гербом.

– Дело в том, что... – молодая вдова на мгновение закрыла лицо ладонями. – Шарлотт, на самом деле, мой муж... Его... Он был убит!

Эти слова рухнули на плечи юной девушки, словно гранитная плита. Она вздрогнула всем телом и всмотрелась в лицо маркизы, словно силясь понять, осознает ли та всю глубину ею произнесенного.

– Ах, нет! – горько усмехнулась маркиза, поняв причину ответного молчания. – Я раздавлена потерей, но в уме и памяти, и знаю, что говорю... Именно я убедила семейного врача объявить, что причиной смерти Филиппа стал сердечный приступ, потому что не хочу спугнуть убийцу!

Теперь уже Шарлотт ощутила, как откуда-то изнутри на неё наплывает парализующая волна страха, и сжала платье на груди.

– Вы подозреваете кого-нибудь? – тихо спросила она, проглотив ком в горле.

– Да, – твердо ответила маркиза и в ее серых глазах промелькнули искры гнева...

– Письмо о нашем возвращении опередило нас всего на полдня, – сказала герцогиня де Трельяр, когда увидела вошедшую в дом дочь. – Поэтому здесь не полностью готово, но твоя комната... Шарлотт? – испугалась она, заметив неестественно бледное лицо девушки. – Что произошло?

– Все хорошо, – выдавила та, с трудом сдерживая слезы. – Я просто устала...

Едва договорив, она бросилась к лестнице, ведущей на второй этаж, путаясь в собственном платье, и едва не сбила с ног пожилую служанку. Задыхаясь от желания кричать, она вбежала в спальню и всем телом навалилась на дверь, чувствуя как силы покидают ее. Прижимаясь лицом к прохладной древесине, несколько секунд Шарлотт еще боролась с собой, затем медленно сползла на пол и заплакала. Горькие, словно полынь, слезы текли по ее щекам и подбородку, сопровождаясь всхлипываниями. Хрупкие плечи дрожали, ногти бессильно воткнулись в стену. В один день ее сердце взлетело вверх и упало вниз, разбившись на сотни осколков.

Фабыен ле Бре после расставания со своими попутчицами не спешил домой. Он пустил лошадь шагом и медленно двигался рядом, держа ее под уздцы. Париж, окутываемый сумерками, обволакивал молодого человека приятными фантазиями. В упоминании герцогиней де Трельяр – имени которой, впрочем, он не знал – возможного приглашения на ужин он усмотрел позволение ухаживать за Шарлотт, и со стороны девушки не последовало протеста. Ее голубые глаза и звонкий смех стояли в его сознании стеной, загораживающей реальность, и очнулся он от своих мечтаний только, когда услышал рядом с собой густой баритон:

– Добрый вечер, месье Фабыен.

В двух шагах от него стоял пожилой испанец в коричневом костюме с вышивкой, а за его локоть держалась девушка, судя по поразительному сходству – его дочь.

– Дон Игнасио, – молодой человек заметно смутился: – Прошу прощения за мою непочтительную невнимательность, я устал во время пути и задумался... Сеньорита Алисия, – поклонился он молодой леди.

– Хотел поинтересоваться о здоровье вашего брата. Не стало ли ему лучше? Я бы хотел встретиться с ним, если это возможно.

– К сожалению, дон Игнасио, – развел руками Фабыен, – Франсуа даже прислугу вокруг себя ограничил и не разговаривает ни с кем, кроме меня. Уверяю, я передал ему оба ваших письма, а точнее, прочитал их ему вслух, а записку сеньориты Алисии он даже оставил у себя...

– Я подумал, – Хуан Игнасио Гонсалес де Сан-Хосе вальяжно почесал бороду, – если во Франции нет хороших врачей, могущих поставить месье Франсуа на ноги, возможно, я смогу отыскать таковых в Мадриде? Не волнуйтесь за расходы, месье Ле Бре, – быстро прибавил он, заметив, что молодой человек хочет возразить, – их я полностью возьму на себя.

– Я вам очень благодарен, – в легком замешательстве ответил Фабыен, – и я обязательно передам брату ваше предложение, но, боюсь, он попросту не захочет им воспользоваться, так как не верит в свое исцеление. Может быть, стоит дать ему время передумать?

– А вспоминает ли он обо мне? – спросила до этого молчавшая Алисия с некоторой обидой в голосе.

– Ах, сеньорита, – вздохнул молодой человек, – мой брат стал так неразговорчив и часто не желает видеть даже меня. Но, уверяю вас, в те редкие часы, когда он соглашается со мной беседовать, всегда спрашивает о вас.

Обменявшись еще несколькими фразами с испанским грандом и его дочерью, Фабыен попрощался, подозвал к себе уличного мальчишку, поручил ему вернуть лошадь по нужному адресу, и пешком двинулся в сторону своего дома. Однако не сделал он и ста шагов, как его нагнал пожилой мужчина с густыми бакенбардами, продемонстрировавший удивительную скорость для своего веса и возраста.

– Месье Фабыен! – задыхаясь, выпалил он.

– Доктор Жари, – растянул губы в улыбке молодой человек, явно не радуясь этой встрече.

– Не буду спрашивать, откуда вы приехали, мне это неважно. Лучше скажите, вы не изменили решения насчет вашего брата?

– Нет, – сухо отозвался Фабьен, нахмутив темные брови.

– Однако...

– Нет, – повторил он. – Это не поможет Франсуа.

– И сколько вы собираетесь жить с этим враньем?

– До тех пор, пока вы помните, чем обязаны моему отцу, доктор Жари, – довольно сурово заметил он, дернув уголками губ. – Поэтому все останется, как есть. И чем пытаться читать мне мораль, лучше бы постарались помочь.

– Я вам достаточно помог, месье Ле Бре, – не без недовольства ответил толстяк. – В подобном деле мне еще не приходилось принимать участие.

– Если вы думаете, что мне все это по душе, то ошибаетесь... Я не люблю врать, но иногда это необходимо.

– Я видел, что парой минут ранее вы разговаривали с доном Гонсалесом де Сан Хосе. Он спрашивал о вашем брате?

– Предложил поискать медицинские светила в Мадриде... Видимо, ему и правда крайне досадно, что сорвались ухаживания Франсуа за его дочерью. Но я отказываюсь понимать, почему из всех кавалеров, желающих стать зятем испанского гранда с баснословным состоянием, наиболее благосклонен последний оказался именно к моему брату, который не имеет никаких дворянских корней.

– Возможно потому, что как истинный испанец, этот господин верит только в силу своей собственной родословной. И денег. А состояние вашей семьи не уступит какому-нибудь барону, – заметил доктор Жари и спросил, прищурившись: – Вы думаете, дон Гонсалес де Сан-Хосе что-то знает о том, что случилось на самом деле?

– Ах, нет, – поморщился Фабьен. – В его интересах, чтобы мой брат был жив-здоров и женился на его дочери. Хотя, по-моему, та либо холодна, как рыба, либо умело делает вид, что ей все равно, чьей женой стать... Будь я ее поклонником, меня такое бы крайне насторожило, – по его губам скользнула печальная улыбка. – Мы с Франсуа столь непохожи, сколь могут быть различны люди с одним лицом.

– Позвольте все-таки спросить, чего вы пытаетесь добиться всей этой ложью?

– Правды. Но пока я сделал только первые шаги в нужном направлении, – уклончиво ответил молодой человек и приподнял шляпу, прощаясь.

Два дня герцогиня де Трельяр наблюдала у дочери апатию ко всему и заплаканные глаза, но считала это следствием переживаний за маркизу де Буассель и не задавала вопросов. Но, полагая, что Шарлотт нуждается в помощи, чтобы выйти из этого состояния, она поймала момент во время трапезы и деликатно затронула имя Фабьена Ле Бре, спросив, что думает ее дочь, если пригласить его на ужин в пятницу. Однако, к ее величайшему удивлению, девушка с усилием проглотила кусок, положила вилку и словно вдавилась в спинку своего стула.

– Мама, я могу тебя попросить?

– О, конечно! Все, что пожелаешь.

– Не напоминай мне больше об этом человеке...

Лицо герцогини заметно вытянулось:

– Прости? – уточнила она растерянно. – Мне показалось...

– Это неважно, – пробормотала Шарлотт, опуская глаза. – К сожалению, я ошиблась...

Месье Ле Бре – неприятный человек, и я бы не хотела...

Она внезапно замолчала, чувствуя, как застревают в горле слова.

Герцогиня посмотрела на дочь с теплом и жалостью, но ничего не ответила. Выдержав пару минут молчания, она кивнула и добавила с напуском оптимизма:

– У меня есть предложение после ужина покататься по городу. После сегодняшнего дождя отличный воздух наполняет сады Тюильри.

– Да. Мне надо привыкать к жизни Парижа, – безучастно произнесла Шарлотт.

Фабьен Ле Бре почти неделю напрасно ожидал приглашения от дамы, чьего имени даже не знал. Трижды в день он справлялся в своей конторе, не было ли ему личных писем, и каждый вечер, возвращаясь в большой неудобный дом на улице Святой Анны, где проживал вместе с братом, просматривал почту с надеждой. Всё это время, замечая на улице похожую на Шарлотт женскую фигуру, он замирал от волнения, но это был лишь обман его воображения.

– Месье Бенуа, – обратился он внезапно к своему заместителю, которому после болезни Франсуа передал большую часть дел, – вы ведь многих знаете в Париже?

Пожилый клерк оторвался от бумаг и поправил пенсне на широкой переносице.

– Достаточно многих, месье. Я работал с вашим отцом, когда еще он купил свою первую фабрику...

– А не слышали ли вы, – молодой человек прошелся туда-сюда, – у кого есть дочь по имени Шарлотт? Примерно восемнадцати лет.

Повисло молчание. От глаз к вискам старого служащего поползли лучики морщин:

– Месье Фабьен думает о даме? Как это непохоже на вас... Неужели это связано с вашими вопросами о том, не приходило ли личных писем?

Молодой человек заметно смутился.

– Дело в том, что по дороге в Париж я познакомился с девушкой, которая возвращалась в город со своей матерью. Но, к сожалению, они мне не представились...

– А вам очень нужно отыскать прелестницу, – закончил его мысль Гаспар Бенуа и откинулся на стуле.

– Эта женщина собиралась прислать мне приглашение на ужин, – пробормотал Фабьен, – и вот... Я жду. А ничего нет.

– Всего-то несколько дней, месье. Дамы устали с дороги. Давно не видели своих близких, возможно... А тут вы. Может, про вас и забыли.

Молодой человек слегка побледнел:

– Не должно бы... Не думаю... – снова пробормотал он.

– Э, месье, – всмотрелся в его лицо клерк, – да вы серьезно влюбились, как я погляжу! Наверное, все время видите во снах голубые глаза.

Фабьен всем телом повернулся в его сторону:

– А откуда вы узнали про голубые глаза?

Бенуа рассмеялся. Да так откровенно, что даже закашлялся:

– Простите мне старческое веселье, месье Фабьен... Прекрасное зрелище – пылкая молодость с ее бурями в сердце. Двадцать пять – удивительный возраст, когда страсть заставляет вас видеть жизнь наперед и представлять старость с той, которую любите... – он выдержал паузу и прибавил: – Я сказал первое, что пришло мне в голову, а вы себя и выдали. Раз запомнили цвет ее глаз, значит, смотрели в них, наверное, чуть не падая с лошади.

Фабьен снова смутился:

– Как же мне теперь ее отыскать, – пробормотал он себе под нос и уточнил: – Вы действительно не знаете, чья она может быть дочь?

– К сожалению, в силу возраста я уже не запоминаю молодых девушек, месье. Нет. Не могу вспомнить ни одну по имени Шарлотт. Вот если бы вы описали ее мать, то, возможно... А если серьезно, то все же, считаю, вам стоит еще подождать.

– Снова, – печально вздохнул Фабьен и пробормотал в отчаянии: – Неужели мне почудилось и она ко мне совсем равнодушна?

Париж. Ситэ. 1759г.

Прачка Софи Каруи возвращалась домой после работы, когда услышала в подворотне детские крики и шум драки. Свернув на шум, она на мгновение растерялась, увидев потасовку мальчика и девочки, но тут же взяла себя в руки и властно топнула ногой.

– Хватит! Какой кошмар! Филипп, как тебе не стыдно! Трогать более слабого!

– Эта слабая? – шмыгнул носом тот, отскакивая в сторону. – Да у подобрашки кулаки не меньше моих! А еще она бешеная!

– И ничего я не бешеная! – огрызнулась бойкая девочка лет семи и показала ему язык. – А зачем ты собачку обижаешь?! Мама говорила, что животных трогать нельзя!

– Да нет у тебя никакой мамы! – Филипп также показал ей язык и отошел еще дальше. – У тебя и имени-то нет! Тебе дали чужое!

– Есть у меня имя! – заныла та. – Меня зовут Клэр! А ты... А ты!

– Хватит, пожалуйста! Филипп, иди домой... – женщина присела перед Клэр. – У тебя царапина на лице... Вот зачем ты дерешься с мальчиками? Что сказала бы твоя мама...

Девочка убрала с лица прядь золотистых волос и громко засопела:

– Я знаю, что она не моя мама, мне все про это говорят... А теперь она умерла, и меня никто не любит.

– Клэр считала тебя дочерью, – не согласилась мадам Софи. – Она не оставила тебя умирать на улице, привела тебя в свой дом, дала тебе свое имя... Хотела тобой гордиться. Так что, не расстраивай ее и не дерись. Она с неба видит всё.

– Филипп первый начал. Он дергал Лекса за хвост, – проворчала Клэр и шмыгнула носом.

– Знаешь как пишут в книгах?..

– Я не умею читать.

– А хочешь я тебя научу? – неожиданно для себя самой предложила женщина.

Голубые глаза девочки стрельнули по сторонам:

– Правда? А у меня получится? И писать научите? Я знаю, что даже не все взрослые умеют писать.

– Я умею. В молодости я недолго работала гувернанткой в Англии.

– А кто такая гувернантка?

– Она занимается воспитанием и обучением детей.

– Ууу, – протянула Клэр и почесала бок. – А потом они вырастают и ездят в красивых каретах?

– Обычно да, – по губам мадам Софи скользнула слабая улыбка. – Так что, подумай насчет моего предложения и приходи.

– Я уже подумала, мадам. Я хочу уметь читать... Вдруг у меня будут роскошное платье и карета!

Выйдя из табачной лавки, Фабьен Ле Бре перешел улицу почти перед самыми копытами лошадей, везущих телегу с бочками, выслушал в свою спину брань возницы, и уже собрался продолжить путь, как вдруг увидел в толпе какую-то удивительно знакомую женщину. Даму, чье имя он не знал, но которая была ему хорошо известна, как мать Шарлотт. Это не обман зре-

ния, это действительно была она! Все также в облегченном трауре, только с дорогой вышивкой и увешанная небольшим количеством драгоценностей. Почувствовав, как кольнуло от волнения в боку, молодой человек ринулся в ряды прохожих.

– Мадам! – выпалил он и тут же смутился. – То есть, добрый день, мадам...

И отвесил неловкий полупоклон, вспомнив, что, выходя из конторы, попросту забыл взять с вешалки шляпу.

Женщина растянула губы в вежливой улыбке, испытывая замешательство. Она не знала причины, по которой дочь запретила ей говорить об этом молодом человеке, и потому не имела представления, что стоит отвечать, если Фабьен будет спрашивать про неё. А, судя по его блестящим глазам, именно это он и хотел сделать.

– Ах, месье Ле Бре, – выдохнула герцогиня, раскрывая веер. – Как тесен Париж!

– О да, – он попытался выглядеть безмятежным. – Но к этому привыкаешь. Надеюсь, мадемуазель Шарлотт хорошо себя чувствует в этой жаре?

Герцогиня вдруг испытала жалость к бедняге, который таким неуклюжим способом пытался завести разговор о явно запавшей в сердце девушке, но помочь ничем не могла.

– Да, она в полном порядке, благодарю вас, – ответила она и тут же добавила: – Прошу меня извинить, месье, мне надо идти.

Изящно кивнув, она скрылась в толпе, оставив озадаченного Фабьена обдумывать этот диалог. Когда его в очередной раз толкнули прохожие, он тяжело вздохнул и вдруг, словно ужаленный, метнулся к табачной лавке, из которой вышел несколькими минутами ранее.

– Скажите! – выпалил он в дверях. – Я только что разговаривал с дамой, кто-то видел нас? Вы не знаете, кто эта леди?

Получив отрицательный ответ, он вышел и через минуту потянул на себя соседнюю дверь. То, как он выглядел со стороны, его волновало сейчас меньше всего на свете.

– Простите! – громко сказал он, заметив в галантерейной лавке двоих посетителей. – Я пару минут назад на улице общался с женщиной. Можете мне сказать, кто это?

– Та самая дама, которую вы чуть не начали хватать за руки прямо посреди Парижа? – насмешливо отозвался высокий пожилой господин в дорогом костюме. – А я уж подумал, что вас привлекают пожилые вдовы, молодой человек. Это – недавно вернувшаяся в город герцогиня Соландж де Трельяр.

Повисло молчание. Не ожидавший подобного ответа Фабьен замер и повернулся в сторону окна, словно пытаясь найти там подтверждение услышанного. Открыв рот, чтобы задать еще какой-то вопрос, он услышал у себя за спиной звон колокольчика над входной дверью и понял, что он здесь лишний.

Впрочем, спросить ему было больше нечего.

Выйдя на залитую летним солнцем мостовую, он несколько мгновений смотрел в одну точку, что-то обдумывая, затем решительно направился в ближайшую цветочную лавку.

– Месье Бенуа! – обратился Фабьен к своему заместителю, едва войдя в свою контору. – Вы знаете герцогиню де Трельяр?

– Эх у вас вопросы, милый мой господин, – заулыбался старый клерк. – А то, конечно, на чай ежедневно хожу, – и уже серьезно прибавил: – Это из той знати, что не по праву рождения. Около тридцати лет назад придворный врач за услуги короне получил герцогский патент... А вам зачем?

Фабьен прошелся по кабинету:

– Теперь я знаю, как зовут ее.

– Ее – это покорительницу вашего сердца? Вы получили письмо?

– Нет. Встретил на улице ее мать, герцогиню де Трельяр...

Повисло молчание.

– Мне жаль, – только и смог сказать месье Бенуа.

– Почему? Полагаете, меня не пустят даже на порог без наличия дворянских корней? В таком случае, почему же это не было уточнено сразу при нашем знакомстве, зачем было... – Фабьен вдруг резко замолчал и уставился в окно, затем обернулся:

– Я отправил Шарлотт букет! – выдохнул он и прибавил слегка смущенно: – Надо было как-то напомнить о себе...

– Похвальное упорство, месье.

– Нет же! Должно быть какое-то объяснение! Любое! – замахал руками он. – Я уверен, что Шарлотт была равнодушна ко мне, а герцогиня первая сказала мне про ужин! Но сегодня эта женщина как-то странно себя вела... Словно я больше никому не интересен! Так бывает? – и он посмотрел на своего клерка с явной просьбой разуверить его тайные мысли, на что тот не нашелся, что ответить и лишь пожал плечами.

Не прошло и двух часов, как в конторе появился юноша в одежде служащего и с дичайшим английским акцентом спросил у Фабьена, не он ли месье Ле Бре.

– Слушаю.

– Я из цветочной лавки. Вы сегодня просили передать корзину роз по адресу...

– И?

– Там отказались их принять. Мой хозяин прислал меня узнать, что делать дальше.

Повисла долгая пауза. Фабьен в недоумении смотрел на посыльного, словно сомневаясь в том, что правильно понимает французский язык, затем осведомился:

– Отказалась принять розы?

– Просили передать, что дама даже не пожелала узнать, что за цветы доставили... Что делать? Если вы хотите вернуть деньги, то вам нужно...

Молодой человек поднял руку, перебивая:

– Я не буду просить возврата уплаченной суммы. Делайте, что хотите. Свободны.

– Я не понимаю! Не понимаю! – после ухода служащего Фабьен с размаху сбросил со стола какие-то бумаги и уставился на Гаспара Бенуа с отчаянием раненого зверя. – Вот, значит, как?! Прибыв в Париж, она вспомнила, что в ее жилах течет дворянская кровь, и какой-то буржуа родом из бургундской деревни слишком многое себе позволил?!

– Месье Фабьен, может, вам воды, – старый клерк покосился на дверь, за которой по обыкновению находилось несколько писарей. – Вы всех напугаете... Наверняка были причины...

– Причины? – простонал молодой человек. – А вы еще какие-то причины видите, да?! Я не понимаю только одного: зачем было давать мне надежду?! Ради чего?! Коварные женщины с их изощренными пытками!

Он смахнул со стола еще одну стопку документов и вышел прочь, оттолкнув подвернувшегося по пути младшего клерка.

Поначалу Фабьен хотел направиться домой и бросить все срочные дела, но потом осознал, что отвлечься от мыслей будет легче именно на работе, и в итоге до поздней ночи просидел в конторе. Несколько раз буря в сердце заставляла его начать писать Шарлотт возмущенное письмо, но после пары слов он яростно перечеркивал текст или рвал бумагу. Оказалось, что размышлять о делах у него нет сил: в считанные минуты рухнули все мечты, которыми он вдохновлялся в последние несколько дней, и принесли с собой апатию. В памяти постоянно всплывали глаза и улыбка Шарлотт де Трельяр, и раненое сердце начинало кровоточить с новой силой.

Ночь молодой человек провел отвратительную и явился на работу заметно позже обычного. Бледный, злой, неаккуратно выбритый Фабьен Ле Бре всем своим видом дал понять служащим, что по пустякам его лучше не беспокоить, и засел в своем кабинете, хлопнув дверью так, что она чуть не сошла с петель.

Но в этот день все шло еще хуже, чем накануне. Прочитывая свежие газеты, молодой человек задержался на какой-то заметке и пробежал ее глазами несколько раз, видимо, сомневаясь в том, что видит. Затем отборно выругался, вскочил с места и, схватив шляпу так резко, что чуть не уронил вешалку, выбежал на улицу, где сразу же остановил наемный экипаж.

– Это просто немыслимо, – бормотал он себе под нос. – Куда вообще смотрит эта странная женщина... Так можно кучу людей до банкротства довести!

Спустя менее чем четверть часа, он выпрыгнул из фиакра напротив особняка маркизы де Буассель и решительно направился к парадной, но на середине пути остановился, будто налетев на невидимую преграду: из дома вышла болезненно знакомая женская фигура. Это была молодая девушка в платье, украшенном атласными розами и из-под шляпки по плечам выбивались локоны пшеничного цвета.

Увидев Фабьена, Шарлотт застыла на месте. Повисло тягостное молчание. Их разделяло несколько шагов и воздух в этом болезненном противостоянии, казалось, гудел от напряжения. Лица обоих были растерянными, бледными и на них медленно появлялись фальшивые улыбки.

– Мадемуазель...

– Месье Ле Бре... – выдавила девушка в ответ и вдруг шевельнула бровями, обретая спокойствие:

– Вы ошиблись улицей? – с заметным сарказмом спросила она. – Кажется, вы живете не здесь.

– Мне нужно видеть маркизу.

– Она в трауре. Сомневаюсь, что визит посторонних мужчин допустим в подобной ситуации.

– А вы выступаете ее защитником? – поморщился Фабьен. – Мой вопрос касается финансовых сделок самой маркизы.

– Насколько мне известно, она не ведет дела. Для этого есть...

– О, конечно! – выпалил он, перебивая, и отчаянно взмахнул рукой. – Это же чистой воды безумие: доверить принятие подобных решений такому человеку, как Бопре! Особенно на фоне трещащего по швам положения страны!

– А почему дела маркизы касаются вас настолько, что вы без приглашения готовы ворваться в дом несчастной вдовы? – Шарлотт захватила воздух носом.

– А за вами, видимо, и карету прислали? – он демонстративно повертел головой по сторонам. – Ах, да, миледи, я запамятовал! У вас же плотный график посещения всей знати Парижа!

– А вы, кажется, лезете в то, что не должно вас касаться!

– Ошибаетесь! Дела маркизы меня касаются ровно настолько, насколько эта хитрая женщина додумалась полностью передать дела Бопре! Потому что, в таком случае, некоторые сделки окажутся весьма многозначными! В том числе, и для меня!

– Сомневаюсь, что маркиза захочет вас видеть!

– Ах, значит, ей ко мне являться можно, а мне – нет! – зло выпалил Фабьен, выдержал маленькую паузу и заметил: – Вижу вы даже не удивлены этой фразе? О, вы наверняка считаете, что эта женщина делает все правильно!

– Маркизу де Буассель я знаю давно и не вижу причин сомневаться в ней, месье Ле Бре, – холодно ответила девушка. – Чего не могу сказать о вас.

– Удивительно, но я также был о вас гораздо лучшего мнения, мадемуазель, – парировал он ядовито.

– Нет, удивительно другое, – процедила она. – Что у вас хватает наглости являться в этот дом.

– И это вы мне говорите о дерзком поведении? – он оценивающим взглядом скользнул по ее фигуре. – Видимо, вы, как и ваша уважаемая маркиза, уверенно следуете целям. Любим!

– Я могла бы вас ударить, месье Ле Бре, но считаю это ниже себя. Дайте пройти! – Шарлотт нарочно задела его плечом, затем обернулась. – Хотя, впрочем, может, мне стоит задержаться, чтобы увидеть, как дворецкий закроет дверь перед вашим носом?...Хорошего дня!

И она с гордо поднятой головой направилась к ожидавшему ее экипажу. Некоторое время Фабьен смотрел ей вслед, затем сплюнул с театральной досадой и пошел в обратную сторону, передумав наносить визит. Дышалось ему тяжело и болезненно. Воздух, казалось, одним горячим комом застревал в груди и вызывал спазмы в мышцах. Плечи были напряжены, кулаки сжаты.

– Кажется, все дело в маркизе, – пробормотал он. – Эта хитрая женщина или посвятила Шарлотт в свои темные делишки, или просто делает все, чтобы настроить ее против меня. Что ж, это будет мне уроком, не стоит очаровываться первой встречной владелицей голубых глаз.

...Вернувшись домой, Шарлотт убежала в свою комнату и упала на подушку, заливаясь горькими слезами отчаяния. Пару раз ударив кулаком по спинке кровати, чтобы справиться с душащими ее эмоциями, она стиснула зубы и тихо застонала. Еще какое-то время она прерывисто всхлипывала, потом, успокоившись, села на постели и вздрогнула: у стены стояла мать.

– Прости, – смутилась герцогиня, – ты не закрыла дверь...

Ответом ей было молчание.

– Если ты хочешь поговорить – говори. Я так сожалею о всех тех годах, когда меня не было рядом. Понимаю, что ты просто не привыкла делиться тем, что с тобой происходит...

– Мне больно... – выдохнула девушка, не глядя на неё. – Сердце словно раздавили тяжелым сапогом и встали туда еще раз. Я так глупа и наивна, да? Я позволила себе влюбиться впервые за свои восемнадцать, а теперь жалею об этом. Как с этим справиться, мама?

Та тяжело вздохнула:

– Иногда, когда сердце грубо раскалывают на кусочки, оно уже даже не склеивается... Мне было шестнадцать, когда во мне запылала любовь. Ах, я оказалась на вершине отдельного мира! Все было другим: небо, люди, я сама... У меня были все основания ждать от него предложения руки и сердца, я была уверена, что мой любимый испытывает ко мне похожие чувства...

Герцогиня вдруг замолчала.

Шарлотт промокнула слезы кончиками пальцев и внимательно посмотрела на мать:

– И что же случилось?

Женщина грустно улыбнулась:

– Он сделал предложение. Но не мне. То ли та девушка была более выгодной партией, то ли я сама себе придумала взаимность – сейчас уже этого не узнать, да и надо ли, – она робко села на край кровати. – Но я была уничтожена, мое сердце оказалось разорванным в клочья... Меньше чем через год ко мне посватался твой отец. Остальное тебе известно. Я так и не смогла полюбить другого мужчину, в душе оставалась пустота. И для меня очень важно, чтобы это не постигло тебя, Шарлотт, потому что кому, как не мне, знать, что такое быть нелюбимой супругой нелюбимого человека... Когда каждый раз, оставаясь с ним в спальне наедине, ты считаешь минуты до окончания этой жалкой пытки.

– Я справлюсь, – пробормотала Шарлотт через пару мгновений. – Я очень сильная и способна преодолеть все. Нужно только немного времени... Я не имею права пускать глупые слезы из-за первого встречного.

– Почему ты считаешь, что не имеешь на это права? Где же указаны права женщины на ее чувства?

– У меня в голове, – упрямо возразила девушка. – На фоне маркизы де Буассель, потерявшей мужа, мои рыдания о том, что я разочаровалась в малознакомом человеке, выглядят смешно. Ты права, мама, – уже с усмешкой прибавила она. – Я истинно твоя дочь. Кажется, я тоже сама себе придумала историю и теперь из-за этого страдаю. Это и правда смешно.

– Знаешь, наверное, это звучит глупо, но надо наслаждаться всем, что дает молодость. Я вот уже и не помню, что такое потерять голову от любви...

– Я ее не теряла, – еще более упрямо возразила девушка. – Я осознаю все случившееся. Пожалуй, хватит плакать над собственной глупостью. Нужно что-то со всем этим делать!

И вечером, после ужина, Шарлотт снова отправилась в дом маркизы де Буассель.

– Месье Фабьен! Обед снова стоит! – бросилась к нему пожилая служанка, едва только молодой человек вернулся домой.

– Что?

– Я говорю, что обед, который я приносила под дверь для месье Франсуа, по-прежнему нетронут. Так было и вчера, и позавчера, и...

– Я вам уже сказал, что такое вполне может быть, – перебил ее Фабьен. – Я к нему поднимусь, не волнуйтесь, мадам Клодина. Сейчас, будучи частично парализованным и полуслепым, мой брат переменится, и все мы подчиняемся его капризам. Если вы приготовили ужин, то можете идти домой. Дальше я сам.

– Я думала... Может быть, месье Франсуа нужна была бы сиделка, которая все время будет в доме, а то я только прихожу...

Молодой человек нахмурился:

– Вы же видите, что он вообще никого не пускает в свою комнату, кроме меня. И я вас нанимал не для того, чтобы вы советовали мне и моему брату, как нам жить.

– Прошу прощения, месье, – пробормотала служанка и собралась уйти, однако заметно смутившийся Фабьен окликнул ее снова:

– Мадам! Прошу прощения, если нагрубил. Сегодняшний день... он... – перед его глазами возникла встреча с Шарлотт у дома маркизы. – Было много дел. И разных не очень приятных моментов...

– А еще я хотела сказать, что почты для вас не было, – развела руками женщина, как бы говоря, что не видит повода для обид.

– Почты? – растерялся он.

– Ну да... Вы же целую неделю постоянно спрашивали, не приходило ли в ваше отсутствие писем... Вот и говорю сразу, что нет.

– Ах, писем, – горько усмехнулся Фабьен, пряча в тонкие усы болезненную гримасу. – Можете не проверять больше почту, мадам Клодина... Я ничего уже не жду. Ах, мадам! – внезапно что-то вспомнив, он оживился. – Как-то вы мне сказали, что раньше работали в мастерской одной модистки...

– О, месье! Если вы решили заказать себе платье, то я вас разочарую! Мадам Борно одевала исключительно знатных дам! – пошутила домработница, явно довольная своим ответом, но на лице Фабьена не дрогнул ни один мускул.

– Может быть, у неё одевалась герцогиня де Трельяр или ее дочь... Что вы помните о них?

– Герцогиня Соландж? Кажется, так ее звали, – кивнула та. – Помню. Знаю в лицо. Очень милая, но вечно грустная женщина. Она хорошо обращалась со всеми служащими и подмасте-

рьями, ее трудно было не запомнить. А дочь... Стойте, какая дочь? У герцогини нет детей. По крайней мере, три года назад не было...

Повисло молчание. Фабьен зачем-то взглянул направо, затем – налево и уточнил:

– Нет дочери?

Мадам Клодина на мгновение замялась.

– Ну... Герцогиня иногда говорила что-то про свое одиночество... Про большой дом для неё и мужа... О, ну я могу и ошибаться, конечно, кто я такая, чтобы...

Но Фабьен уже не слушал, мысли в его голове лихорадочно путались.

– Если Шарлотт не дочь герцогини, то кто она тогда? – думал он. – Её племянница? Дальняя родственница? Или герцогиня просто удочерила какую-то безродную девушку? Мало ли какие причуды у аристократов... Тогда это, с одной стороны, объясняет, почему Шарлотт отличается от титулованных особ, но с другой – не дает понимания, чем я мог ее так оскорбить, что она даже букет от моего имени принять не пожелала. А сегодня у дома маркизы... Ах, маркиза! Кажется, все пути ведут к этой женщине с ее ядовитыми играми.

И с этими мыслями он медленно побрел в свою комнату, не слушая болтовню домработницы за спиной. Возле двери в спальню брата он на мгновение задержался. Немного подумав, достал ключ из кармана, отпер и вошел, негромко пробормотав:

– Дорогой мой Франсуа, положение лучше не стало...

Париж. 1761г.

В маленькой комнате, расположенной на втором этаже одного из многочисленных домов на мосту Меньял, царили полумрак и прохлада. Протяжно поскрипывала створка открытого окна, потревоженная вечерним ветром. Запах грязной воды из Сены перемешивался с табачным дымом и оседал на грубой деревянной мебели, среди которой выделялся массивный секретер со множеством закрытых шкафчиков. Вдоль стены тянулись обитые железом сундуки, а позолоченные часы с маятником, словно заблудившиеся среди этой скромной обстановки, тикали громко и лениво.

На лестнице раздались звуки тяжелых шагов, и вошел мужчина средних лет с обезображенным ожогами лицом, пропуская впереди себя девочку лет девяти.

– Всё, сиди пока здесь. И ничего не трогай.

– А кто к вам приходил?

– Тебе это знать не нужно.

– Конечно, не нужно, этот господин закутался в плащ и натянул шляпу на нос так, что, наверное, дороги под собой не видел.

– Видишь ли, любопытная ты девчонка, – сурово сказал хозяин дома, – ко мне приходят люди, которые не хотят, чтобы их видели, и, уж тем более, запоминали и узнавали. Я предпочитаю забывать про них сразу же, как только они уходят. Главное, что они платят, остальное – лишнее.

– Месье Жиль, а что такое цетракс?

Он нахмурился:

– Ты подслушивала?

– Я случайно услышала...

– Знаешь что, Клэр, я согласился оставить тебя тут исключительно из уважения к Софи Каруи, которая не хотела, чтобы ты ночевала у себя дома после пьяного дебоша твоего отца... А вообще, я не люблю детей и людей, которые суют свой нос куда не надо, ясно?

– Конечно, ясно. Поэтому вам сделали это с лицом, – бесстрашно заявила та и прибавила: – Все в округе говорят, что просто так кислотой не метят...

– Пусть эта округа поменьше болтает, деточка. И да, – месье Жиль плотоядно показал зубы, – цетракса у меня нет. Я же скромный меняла.

Клэр почесала щеку пальцем:

– От него умирают, да?

– И не сразу, – кивнул он с усмешкой. – Поэтому всяким безродным девчонкам лучше сидеть смирно. Визжу, ты с книгой пришла. Вот сиди, читай и не умничай.

Уже стемнело, когда Шарлотт де Трельяр вышла из экипажа у дома маркизы де Буассель и невозмутимо направилась сразу к задней двери. Поздоровавшись с парой горничных, встретившихся ей на кухне, она поинтересовалась, где госпожа, и, получив ответ, поднялась на второй этаж. В маленькой комнате, которая была обставлена как детская, в домашнем платье темно-синего цвета сидела маркиза, чьи неубранные волосы словно змеи расплзались по узким плечам. Молодая женщина лениво наигрывала на пианино какую-то мелодию, а, услышав за спиной шаги и шелест платья, медленно обернулась.

– Сразу подумала, что это ты, – сказала она с грустной улыбкой. – Кто еще может прийти ко мне в самое, казалось бы, неподходящее для посещения время суток.

– Не ожидала, что вы будете в этой комнате... – тихо ответила девушка вместо приветствия.

Маркиза вздохнула и обвела вокруг рукой:

– Я помню, как все выбиралось здесь для нашего малыша... И все это время мы с Филиппом еще надеялись, что у нас будут дети.

– Наверное, вы не знаете, – сказала Шарлотт, выдержав длительную паузу, – но сегодня Фабьен Ле Бре собирался явиться к вам.

– Сюда?

– Да. Я столкнулась с ним почти у парадной, когда выходила...

– То есть, ты знакома с ним лично?

Девушка замялась:

– Он стал нашим попутчиком несколько часов дороги до Парижа, – произнесла она неохотно и тут же перевела тему: – Маркиза, я вот о чем подумала: то, что не можете сделать вы – могу сделать я. Хотя бы немного разобраться в случившемся, и – если получится – привлечь к ответственности виновного.

– Звучит по-упрямому, в твоем стиле, – повела бровями та и встала. – Идем вниз. В этой комнате не выйдет говорить о таких сложных вещах.

В дверях кабинета ныне покойного маркиза де Буасселя Шарлотт задержалась, с ужасом вспомнив так потрясший ее неделю назад диалог.

– Филипп умер не от сердечного приступа. Он был убит. Отравлен... – повторила молодая вдова, обнимая себя за локти. – И, как ты понимаешь, этот вердикт вынесла не я. И у меня нет причины не доверять нашему семейному врачу.

– О, Боже! – ужаснулась Шарлотт. – Но кто?! Разве у вашего мужа были враги?! Мне казалось, его любили все... Как это случилось? Неужели ничего нельзя было сделать?

– Доктор назвал мне предположительный яд, – маркиза проишлась туда-сюда, не глядя на свою гостью. – Слишком поздно уже было что-то исправить. Он опасен именно тем, что симптомы проявляются через несколько часов и поначалу отравление можно принять за обычное недомогание... А потом уже поздно. Цетракс.

Шарлотт вздрогнула:

– Ах...

В глазах хозяйки дома жемчужинами заблестели слезы:

– Филипп умирал, а я ничего не могла сделать, – заговорила она прерывающимся голосом. – Он уже не имел возможности писать и произносить слова, его холодные пальцы держали мою руку, я видела, что он пытается что-то сказать, но не понимала, как ему помочь... В какой-то момент меня озарило! Я смирилась с тем, что уже практически вдова, но произошедшему должно было быть объяснение... Я стала умолять Филиппа дать мне понять, знает ли он, кто виноват в его смерти. Просила назвать имя человека, который мог бы быть его отравителем или как-то участвовать в случившемся. Я была так напугана...

Она внезапно замолчала.

– И... что же? – плохое предчувствие сжало сердце Шарлотт. – Вы что-то выяснили? Маркиза кивнула:

– Он смог назвать фамилию. С большим усилием. Ле Бре.

– Ле Бре? – ужаснулась девушка, но тут же взяла себя в руки и даже изобразила подобие спокойной улыбки. – Ах... Может быть, ваш муж попросту просил позвать этого человека.

– Ты не понимаешь, – холодно ответила хозяйка дома и в ее темных глазах сверкнули молнии. – Все было абсолютно ясно. Филипп произнес: «Ле Бре» – и я растерялась. Я не знаю такого человека и никогда не слышала этого имени от мужа. Кто это? Не ослышалась ли я? Я переспросила, и Филипп кивнул... Ле Бре.

– Ах, – снова выдавила из себя Шарлотт, сию же минуту казаясь спокойной, хотя ее начинала бить мелкая дрожь. – Их вроде два брата... Я слышала разговоры...

– И один не лучше другого, – процедила маркиза. – Невоспитанные грубияны и – что самое страшное – явно что-то скрывают! – она налила себе воды из графина и продолжила: – Я убедила нашего доктора объявить причиной смерти супруга сердечный приступ: не хотела спугнуть преступника шумихой... После похорон, невзирая на траур, я отправилась в дом этих буржуа... Глупо, да? Женищина в моем положении идет к мужчине! Но я думала только о том, чтобы хоть немного пролить свет на убийство Филиппа. Втайне я надеялась, что кто-то из братьев поможет мне разобраться в этой истории, но, кажется, я сильно ошибалась.

Шарлотт снова сумела подавить приступ отчаяния, который бился в груди так, что мешал дышать:

– Что же случилось?

– Старший из близнецов, кажется, Франсуа, с недавних пор парализован и наполовину слеп. Меня принял Фабьен. Он вел себя странно: уходил от темы, разговаривал грубо и, в основном, задавал встречные вопросы вместо того, чтобы ответить на мои. Такое поведение напугало меня, но я настояла на том, что должна увидеть второго брата. Меня попросили вернуться после обеда...

Шарлотт молчала, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. Она не сомневалась ни в одном слове, сказанном этой женщиной, но рассказ о неподобающем поведении Фабьена Ле Бре, о котором она наивно думала все только самое лучшее, приводил ее в ужас.

Маркиза вздрогнула, увидев ее лицо:

– Милая девочка, ты бледна. Сядь...

– Это так страшно...

– Я боюсь до сих пор, – внезапно призналась маркиза. – Кто убил Филиппа и за что? Не стану ли я следующей жертвой? Братья Ле Бре разговаривали со мной странным тоном и выдавали двусмысленные фразы. Мне казалось, еще мгновение – и меня просто вытолкают за дверь или даже пригрозят пистолетом. При этом, оба они отрицали какое-либо знакомство с моим покойным мужем... С Франсуа я разговаривала наедине и после этой встречи меня даже никто не проводил до двери... – она сделала паузу. – Я убеждена, что

оба брата знают что-то или, возможно, являются прямыми виновниками произошедшего. Но что делать, если я всего лишь несчастная вдова?

– Шарлотт?

– Ах! – встрепенулась девушка, выйдя из воспоминаний. – Простите, маркиза, я задумалась... Я представила себе ужас, который вы испытываете, вашу боль и отчаяние...

– Знаешь... – молодая женщина бережно провела ладонью по поверхности секретера, стоявшего в углу. – При жизни мужа я крайне редко бывала здесь. Он вообще не любил, чтобы кто-то прикасался к бумагам или переставлял что-то без его приказа. Кабинет был миром Филиппа... И сейчас, когда я нахожусь здесь одна, я все еще чувствую его присутствие. Глупо, да?

Шарлотт болезненно улыбнулась. Разбитое сердце снова заняло, и в памяти возникли глаза Фабьена Ле Бре, но она быстро взяла себя в руки, стараясь не выказывать своих страданий:

– Маркиза, вернемся же к нашему самому первому разговору. Вы сказали тогда, что у женщины в вашем положении практически нет возможности хоть немного пролить свет на случившееся. Все, что доступно вам – это постараться защитить себя от возможного покушения. Я вернулась в Париж для того, чтобы поддержать вас. Я не могу просто сидеть и смотреть на то, как вы страдаете, а потенциальный виновник делает вид, что ничего не произошло, – Шарлотт прошлась по кабинету, заламывая руки, и придала своему голосу твёрдость. – Вряд ли дома у обычного промышленника хранится цетракс. Это достаточно редкий яд, его в шутку называют пособием интриг дворца...

Маркиза отрицательно покачала головой:

– Но мы не были вхожи в Лувр. Лишь пять лет назад, когда...

Она замолчала, заметив, как шевельнула бровями ее гостя.

– Я о том, – возразила та, – что, как бы то ни было, месье Ле Бре или кому-то еще пришлось бы достать орудие преступления... И нам надо понять, действительно ли все подозрения правдивы. Самое простое, с чего можно начать – это организовать слежку. И да, маркиза, я знаю, что в вашем положении это сложная задача, так как вы – благородная леди и носите глубокий траур. Мне это сделать проще. Я найду того, кто сможет докладывать нам обо всех шагах Фабьена Ле Бре – раз второго из братьев в этом вопросе мы не учитываем. Важен лишь момент оплаты.

– Тебе прекрасно известно, что найти виновника смерти Филиппа для меня не имеет границ цены, – холодно заметила маркиза. – Делай то, что считаешь нужным, только, ради Бога, не подвергай свою жизнь опасности! – прибавила она с волнением. – Я не смогу посмотреть в глаза герцогине!

Стемнело. Редкие фонари, отчаянно коптящие прогорклым маслом, тускло освещали улочки квартала Ситэ, когда женская фигура, закутанная в плащ с капюшоном, перешла мост Менял и свернула в направлении собора Нотр-Дам. Парой часов ранее Шарлотт сказала матери, что ужинать будет у маркизы и вернется поздно, но, на самом деле, стойко преодолевая собственный страх, она отправилась в ту часть Парижа, куда с наступлением темноты даже стражи порядка предпочитали не соваться.

Торговые лавочки, расположенные на первых этажах, уже все были заперты, лишь кое-где за тяжелыми оконными решетками горел свет. Легкий ветер принес откуда-то неровное пьяное пение, и девушка поежилась. Запах гниющих картофельных очисток, разбросанных

повсюду, смешивался с речной сыростью. Продажные женщины, прятаясь в арках домов, высматривали клиентов, и даже не поворачивали головы в сторону Шарлотт, возможно, принимая ее за такую же несчастную, выгнанную на это ремесло чувством голода. Девушка, в свою очередь, еще сильнее натягивала на лоб капюшон плаща. Невесомые кожаные туфельки скрадывали ее шаги.

У одного из домов она остановилась, изучая окна, кое-как заколоченные тухлявыми досками, затем, словно сомневаясь, верно ли она пришла, завертела головой по сторонам. Нет, она не ошиблась, однако здесь теперь никто не живет, и на втором этаже разве что только воры могут прятать награбленное добро. Черная собака с одним ухом, дремавшая у стены, видимо, почуяв человека, встала и, прихрамывая отползла туда, где темнота скрывала ее от любопытных. Тусклый свет из соседнего здания слабо освещал эту унылую картину.

Из подворотни показался мужской силуэт, и Шарлотт инстинктивно попятилась, но затем заставила себя выпрямиться, демонстрируя спокойствие.

– Мадемуазель понадобился плотник? – спросил незнакомец. – Так вы не по адресу, здесь больше четырех лет никто не проживает.

– Николя? – в удивлении вырвалось у девушки, но она тут же укусила себя за губу.

– Вы знаете, кто я? – еще молодой мужчина с плечом одно выше другого вышел под свет фонаря и задумчиво почесал топорщившуюся бороду.

– Нет, – Шарлотт поправила капюшон, опустив голову. – Я хотела сказать, что если вас зовут Николя Клеман, то вы мне и нужны.

– Ну да. Я тоже плотник, как и отец...

– Речь о другом. Я представляю интересы одной дамы, и она желает предложить вам дело.

– Э, мадемуазель, – осторожно сказал тот. – Вы не по адресу. Если это занятие какое-то темное и мокрое – так вам лучше в кабаке папаши Родольфа спросить. Там на любую грязную работу исполнитель найдется, знайте только платить хорошо. А мне хватит того, что брата держат в Шатле за то, что он хотел хорошо жить и ничего не делать. Я – обычный честный работяга и в камеру к крысам не хочу.

– Вот как? – заинтересовалась Шарлотт. – А другой ваш брат? – и тут же поправилась: – То есть, я понимаю, но задание, которое вам хотят поручить, не связано с тем, за что могут арестовать. Нужно, чтобы вы вели наблюдение за одним человеком и сообщали об этом мне. Оплата будет достойной.

– Ааа, шпионом побыть, значит... Дама желает знать, с кем якшается ее муженек?

– Только важно, чтобы он вас не заметил, – добавила Шарлотт, игнорируя вопрос.

– Да это я и сам понимаю. Если б иначе было можно, уж ваша дама и сама бы спросила у него... Я возьмусь, но что если этот пырнет меня ножом, решив, что я грабитель? Это риск, миледи, и за риск я прошу надбавку.

– О цене позже, сначала – инструкции, – холодно ответила девушка. – У вашей нанимательницы нет желания платить наперед. Она знает, что жители Ситэ могут пропить половину в первый же день.

– А как же я узнаю, кому надо докладывать результаты?

– Сообщать будете мне, о встрече условимся. А все остальное вам знать и не нужно, любезный.

На следующий день Фабьен Ле Бре, отправляясь после рабочего дня на примерку костюма, а затем – домой, и не подозревал, что отныне за ним, стараясь выглядеть празднично, всюду следует плотник из Ситэ. Молодой промышленник из всех сил старался погрязнуть в любых делах, чтобы как можно меньше находиться дома и не думать о Шарлотт. И если пер-

вое ему удавалось легко, то второе никак не хотело получаться. Как только взгляд выхватывал в толпе прохожих фигуру какой-либо дамы, сердце предательски екало, втайне готовясь к тому, что это окажется именно дочь герцогини де Трельяр.

Разум же Фабьена взывал к другому: надо забыть даже имя этой девушки, и в какой-то момент молодой человек поймал себя на идее завести небольшую интрижку. С этой целью он мило любезничал с дочерью владельца городской канцелярии, но, выйдя на улицу, отругал себя за то, в чем считает виноватым саму Шарлотт – за то, что подает ложные надежды. Ведь если он и готов жениться, то только на той, которая, к сожалению, в сложившихся обстоятельствах доступна не более племянницы короля, а все остальное – просто обман, который причинит кому-то боль, сродную той, что мучает его сейчас.

Раз в два дня Николя Клеман встречался с незнакомкой в плаще, чье лицо ему не удавалось рассмотреть, и докладывал ей обо всем, что делал молодой фабрикант. Результатами Шарлотт была раздосадована. Ничего из действий объекта слежки не представляло интереса и не было подозрительным. К тому же, она поймала себя на мысли, что сообщения о любезностях Фабьена с какими-то дамами вызывают у неё гнев и досаду. В очередной раз мысленно отругав себя за то, что позволяет себе думать об этом человеке, она заплатила Николя и приказала продолжать в том же духе. В конце концов, когда-то же Фабьен должен выдать себя!

В какой-то миг ее посетила мысль о том, что в своей оценке плана действий она слишком мало уделила внимания второму брату – Франсуа. Да, он парализован и частично слеп, но это никак не значило, что он не мог разрабатывать гениальные в своей подлости идеи и заставлять Фабьена претворять их в жизнь. Но как бы увидеться с ним? Франсуа Ле Бре не показывался на людях после постигшей его болезни. Судя по слухам, он теперь всегда сидит в своей комнате, запершись, и даже письма принимает через брата.

Шарлотт знала достаточно парижских сплетен. Ей было известно, что Франсуа ухаживал за дочерью испанского гранда, временно проживающего в Париже, а после постигшего его несчастья отказался видеться с кем-либо и даже возлюбленной ничего не пожелал сообщить лично. Было странное ощущение, что где-то здесь то самое «плохо сплетенное» место во всей этой цепочке, но где точно и какое – понять не получалось.

В это утро Фабьен вышел из дома раньше обычного, но, вспомнив, что забыл зонт, вернулся за ним. Снова оказавшись на улице, он остановился, чтоб поговорить с соседкой о здоровье брата, но так как эта тема была ему тягостна, отвечал на вопросы обрывистыми общими фразами, скользя глазами по сторонам и выжидая удобный момент закончить этот диалог. И вдруг напрягся, заметив неподалёку мужчину в рабочей одежде, который делал вид, будто кого-то дожидается. В этом могло бы не быть ничего выдающегося, если только не принимать во внимание тот факт, что накануне вечером он – Фабьен Ле Бре – вышел из конторы очень поздно и на углу бесцельно слонялся крайне похожий человек. Совпадение или?..

Скрипнув зубами, Фабьен распрощался, принял праздный вид и, еле слышно посвистывая, направился в сторону, противоположную той, куда планировал идти. У перекрестка он сел в наемный экипаж и через несколько кварталов вышел. Лениво изучив объявления на афишной тумбе, Фабьен начал рассматривать витрины торговых лавочек, стараясь двигаться как можно медленнее, и чуть не расплылся в довольной улыбке, когда увидел быстро идущего по противоположной стороне улицы все того же мужчину, который, видимо, успел потерять его след. Значит, все верно! За ним следят!

Чрезвычайно ободренный тем, как все сложилось, он спрятался за медленно ехавший фиакр, стараясь двигаться вместе с ним так, чтобы быть скрытым от рыскающего взора шпи-

она, затем быстро перебежал дорогу и теперь шел позади своего преследователя, с упоением наслаждаясь его растерянностью.

Тем временем, Николя Клеман мысленно ругал себя на чем свет стоит. Он уже понял, что этот молодой буржуа, по всей видимости, разгадал слежку, и попросту решил оторваться от «хвоста». Выбор действий был невелик. Сообщить нанимательнице, что объект удрал из его поля зрения значило как минимум две вещи: это то, что Фабьену Ле Бре есть, что скрывать, и второе – что самому Николя эту щедро оплачиваемую работу больше не поручат. Плотник остановился посреди улицы и почесал спину в задумчивости, но вдруг сзади ему заломили руку и чей-то голос нарочито хрипло произнес на ухо:

– Не меня ли ищешь, любезный?

– Месье, не гневайтесь, ради Святой Девы! – залепетал Николя. – Я – честный работяга..

– О, конечно!

– Клянусь вам! Клянусь детьми, которые у меня когда-нибудь будут... Не надо пырять меня ножом. Пожалуйста!

Фабьен поморщился и слегка оттолкнул его от себя, затем, не дав опомниться, схватил за плечо и довольно грубо оттащил в сторону.

– А теперь рассказывай. Кто ты такой и что тебе от меня нужно.

– Я вам клянусь, месье, я – честный плотник, при мне нет оружия, я не собирался причинять вам вреда.

– Тогда зачем ты за мной шпионил?

– Мне платили только за то, чтобы я следил за тем, куда вы ходите и с кем встречаетесь. Ничего более, честное слово! Не сердитесь!

– Хватит ныть, – Фабьен сам удивился суровости своего тона. – Кто тебя нанял?

– Дама, месье. Я не знаю ее имени и лица не рассмотрел, она прячет его всегда.

– Ах, значит, дама, – поморщился молодой человек. – Высокая, сухая словно полынь, еще молодая женщина в трауре?

– Никак нет, месье. Судя по голосу, она еще юна и свежа. Я бы предположил, что ей не более девятнадцати.

Повисла пауза. Фабьен начал чувствовать злость.

– И что же ты ей рассказывал обо мне? – процедил он.

– Она желала знать, куда вы ходите и с кем встречаетесь. Вот это я ей и докладываю, месье.

– И все? Были ли более точные указания?

– Никак нет, месье, но мне показалось – уж позвольте предположить – что она не удовлетворена моими сведениями. Кажется, она ждала другой информации.

Молодой человек убрал руки за спину и качнулся взад-вперед в раздумьях.

– Как часто вы встречаетесь с ней?

– Новый отчет завтра, месье. Каждые два дня я докладываю ей о результатах, – заискивающе ответил плотник.

– Но ты же понимаешь, любезный, что нашего этого разговора не было? – усмехнулся Фабьен. – Сколько тебе она платит? – он полез в нагрудный карман и достал несколько монет. – Возьми это для начала... Как зовут тебя?

– Клеман. Николя Клеман, месье, – тот, обрадованный, что так легко отделался, работяшно поклонился и проворно спрятал деньги.

– Так вот, приятель, отправляйся домой и можешь выпить за мое здоровье, а своей нанимательнице расскажешь... Вот что ты успел изучить в моей жизни? Вот это продолжай ей и передавать. Разрешаю приписать мне несколько интрижек, – Фабьен как-то болезненно улыбнулся в усы. – А через пару дней подожди меня у моей конторы, я дам тебе еще немного денег. Все уяснил?

– Вы будете платить мне... просто так? – растерялся Николя. – Я уж решил, вы пожелаете узнать подробности об этой даме...

– Я достаточно знаю о ней, – отрезал молодой человек. – Остального не хочется, – и прибавил: – Я буду платить тебе за то, что ты будешь врать этой коварной искусительнице, которая, видимо, заодно с женщиной, что метит мне во враги... А теперь – убирайся!

Плотник витиевато раскланялся и скрылся в толпе, а Фабьен в отчаянии ударил кулаком по стене и зажмурился до боли в глазах.

...Николя, решив, что ему необыкновенно повезло, и он может зарабатывать деньги, даже не выходя из дома, поступил так, как ему и приказал Фабьен. Встретившись с Шарлотт, он достаточно подробно описал ей все перемещения молодого фабриканта по аналогии с тем, как делал это в прошлые разы, и, получив оплату с указанием продолжать, довольный поплелся домой. А через два дня он дождался Фабьена возле конторы, рассказал о своих успехах и с несколькими монетами в карманах отправился в дорогой кабак.

Эта трагикомедия, которой заправлял плотник из Ситэ, длилась более трех недель. Шарлотт была в отчаянии и крайне плохо это скрывала. Во-первых, подозреваемый в отравлении маркиза де Буасселя, никак не желал подтверждать это своим поведением и часть плана шла наперекосяк. Во-вторых, ей было невыносимо больно от того, что – по словам Николя – Фабьен крайне беззаботно проводил время, посещая званые ужины и флиртуя с уличными цветочницами.

Молодой человек, в свою очередь, чувствовал какое-то болезненное удовлетворение от того, что путает эту игру и хотя бы так мстит девушке за свое разбитое сердце. Два раза они замечали друг друга на парижских улицах, обменивались долгими взглядами, пронзающими весь людской поток, и демонстративно расходились в противоположные стороны.

Это могло бы продолжаться еще не один месяц, если бы не чрезмерная болтливость Николя, желавшего придать своим словам как можно больше правдоподобности. После нескольких лживых отчетов для Шарлотт, которые прошли удачно, он осмелел и стал допускать в своих рассказах немного больше подробностей, чем требовалось для ситуации. В какой-то момент он оговорился, упомянув имя дамы, с которой якобы беседовал у ее экипажа Фабьен, но, уловив удивление своей нанимательницы, быстро поправился, сказав, что точно не расслышал, как назвали незнакомку. Однако это не научило его осторожности, и вскорости плотник допустил оплошность, которая стоила ему этого стабильного заработка.

Рассказывая о якобы перемещениях Фабьена Ле Бре накануне вечером, он заявил, что после работы тот отправился к себе и больше не выходил. Шарлотт сцепила пальцы в замок и опустила капюшон еще ниже.

– Значит, вчера он был дома?

– Да, мадемуазель, – вдохновенно соврал Николя, не почуяв подвоха, и для пущей достоверности добавил: – Я ждал до полуночи. Он не вышел, и я отправился домой.

– Ах... Вот оно как! Ты точно не ушел раньше?

Кто-то более осторожный на этом вопросе понял бы, что сказал лишнего, и поспешил оправдаться, придумав причину, по которой пришлось бросить слезку. Но Николя Клеман уже так вжился в свою роль честного наблюдателя, что позабыл о предусмотрительности.

– Пока часы не пробили двенадцать, моя госпожа, – поклонился он. – И в доме все спали...

– Что ж, тогда еще один вопрос, – лениво начала девушка и вдруг с силой ударила его локтем под ребра. – С какого момента ты мне врешь, мерзавец?! Говори, или следующий пинок я обрушу на твою тупую голову! Как ты разочаровал меня, негодяй!

Николя, скрючившись, тихо постанывал, глотая воздух с выпученными от боли глазами, и не имел силы выдать из себя ни слова.

– Ты жаден и глуп... – Шарлотт толкнула его на глухую кирпичную стену, возле которой они стояли. – Кажется, ты увлекся своим враньем и тебе не пришло в голову, что стоило быть хитрее. Вчера вечером Фабьен был в театре, где его видели несколько десятков человек. И я в том числе. И к полуночи он как раз должен был вернуться. Сомневаюсь, что к дому он попал крадучись в темноте, и вошел через чердак... Говори, предатель! Иначе я найду в твоей биографии повод для ареста, и ты окажешься там же, где и твой брат!

– Он выследил меня! – запричитал плотник. – Я был очень осторожен, мадемуазель, клянусь! Но месье Ле Бре заметил, что я за ним слежу, и пригрозил мне тюрьмой!

Девушка усмехнулась:

– Если бы по такому поводу всех сажали, в стране некому было бы работать... И ты решил обманывать меня за мои же деньги? Я не ожидала от тебя подобного, Николя Клеман! Это меня печалит...

– Я испугался, мадемуазель! Он был очень зол, я не хотел получить ножом в живот и во всем признался. Месье Ле Бре приказал мне выдумывать результаты слежки и не показывать ему на глаза больше. Я по доброй воле бы никогда...

– Утихни! – перебила его Шарлотт. – И сколько времени ты все выдумываешь? Что из твоих рассказов считать враньем?

Николя не спешил с ответом, и она схватила его за ухо тонкими пальцами:

– Отвечай, трус!

– Много! Ай, отпустите, пожалуйста! Я все скажу... – и прибавил, потирая больное место. – Сначала все было правдой. Месье Ле Бре чаще был дома и на работе, иногда заходил в торговые лавки... А потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.